

УДК 81
ББК 81.2
DOI 10.51955/2312-1327_2025_1_145

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛИМИТА» В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

*Вера Павловна Новикова,
orcid.org/0000-0002-1004-8097,
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ),
ул. Земляной Вал, д. 73
Москва, 109004, Россия
e-mail: veranovik@mail.ru*

*Юлия Петровна Ткачук,
orcid.org/0009-0006-9739-5361,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20
Москва, 101000, Россия
e-mail: juliatkachuk00@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится анализ модификаций концепта «лимита» в контексте песенного дискурса. Для решения данной задачи были использованы метод анализа словарных дефиниций и индуктивное выделение фреймов, дискурсивно-стилистический анализ, концептуальный анализ, описание когнитивной метафоры, контекстуальная интерпретация. Исследование выявляет расширение концепта через несколько ключевых фреймов, включая социальный, экономический, эмоциональный, исторический и фрейм «миграция». Каждый фрейм позволяет рассмотреть концепт «лимита» с разных точек зрения, раскрывая его социальные, экономические, эмоциональные, исторические и миграционные аспекты. Анализ концепта «лимита» служит примером того, как песенный дискурс может отражать и формировать общественные стереотипы. Исследование показывает, что песенный дискурс не только развлекает, но и выполняет важную социальную функцию, способствуя формированию общественного мнения и идентичности.

Ключевые слова: концепт, антиконцепт, фрейм, песенный дискурс, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, функции дискурса.

«LIMITA» CONCEPT EVOLUTION IN SONG DISCOURSE

*Vera P. Novikova,
orcid.org/0000-0002-1004-8097,
candidate of Philological Sciences, Associate Professor
K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technologies and Management (the First Cossack University),
73, Zemlyanoy Val street
Moscow, 109004, Russia
E-mail: veranovik@mail.ru*

*Iuliia P. Tkachuk,
orcid.org/0009-0006-9739-5361,
Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya str.
Moscow, 101000 Russia
E-mail: juliatkachuk00@gmail.com*

Abstract. The article analyses the modifications of the concept «limita» in the context of song discourse. To solve this problem, the method of analysis of dictionary definitions and inductive frame allocation, discursive and stylistic analysis, conceptual analysis, description of cognitive metaphor, and contextual interpretation were used. The study reveals the expansion of the concept through several key frames, including social, economic, emotional, historical and «migration» ones. Considering the given concept from different points of view, the frame analysis reveals its social, economic, emotional, historical and migration aspects. The analysis of the concept «limita» serves as an example of how song discourse can reflect and shape social stereotypes. The study shows that song discourse not only entertains, but also performs an important social function, contributing to the formation of public opinion and identity.

Keywords: concept, anti-concept, frame, song discourse, linguoculturology, cognitive linguistics, functions of discourse.

Введение

Понятие «песенный дискурс» появилось относительно недавно, оно предполагает «особый вид коммуникации как процесс языковой деятельности посредством вокальных произведений» [Саяхова, 2016, с. 75]. Песенный дискурс представляет собой «многоаспектное комплексное явление», все стороны которого невозможно «описать с позиции только одного подхода» [Янченко, 2019, с. 4], поскольку это «сложное единство вербального и невербального компонентов», единство «лингвистической и экстралингвистической составляющих» [Дуняшева, 2015, с. 192]. А.И. Михайлова определяет песенный дискурс как «сложный развлекательно-идеологический продукт современной массовой культуры», который близок к медиадискурсу, поскольку он тоже включает в себя музыкальные и визуальные компоненты, обладает высоким уровнем изменчивости и «может участвовать в формировании картины мира индивида», но при этом «сам является отражением некоторых социальных процессов» [Михайлова, 2021, с. 84].

В песенном дискурсе доминируют монолог и разговорно-обиходный стиль языка, черты бытового общения [Михайлова, 2021; Пашкова, 2018; Радченко, 2020; Nicholls, 2007]. М.А. Потапчук пишет о том, что подобный вид коммуникации носит «созидающе-преобразующий и эмоциональный характер», связан со «смыслообразованием» и исходит опосредованно от автора и непосредственно от исполнителя. При этом «смысл, который вербализуется в песне, всегда подлежит интерпретации», поскольку «он выводится адресатом исходя из ситуации имеющихся у него общекультурных знаний», в то время как каждый песенный жанр задает свои установки, поскольку «в качестве базовых характеристик песенного дискурса рассматриваются коммуникативная ситуация, ее жанровое воплощение и типичные концептуальные структуры» [Потапчук, 2013].

Песенный дискурс обладает уникальными свойствами, которые позволяют ему воздействовать на слушателей различными способами. Слова песен, наряду с музыкальными аранжировками, передают оценку автора (субъективная модальность) и заставляют слушателей переживать сильные эмоции. Следовательно, одной из ключевых функций песенного дискурса является *эмотивная* функция. В работах зарубежных исследователей последних лет большое внимание уделяется анализу того, как музыкальные и текстовые элементы взаимодействуют, создавая уникальные художественные значения и эмоциональные отклики у слушателей [Hennion, 2021; Meyer, 2022]. *Конативная* функция музыки заключается в ее способности воздействовать на слушателя, побуждая его не только к эмоциональным, но и поведенческим реакциям. *Коммуникативная* (референтная) функция песенного дискурса заключается в передаче сообщений и идей. Тексты песен могут содержать различные сюжеты и размышления, обсуждать социальные проблемы и личные истории. Иными словами, песни являются формой коммуникации, позволяющей передавать сложные идеи в доступной и запоминающейся форме. *Прагматическая* функция песенного дискурса связана с практическими аспектами влияния песен на язык и поведение людей. Она подразумевает способность музыки формировать у слушателей определенные моральные и этические убеждения, а также влиять на социальные отношения и культурные контексты [Frith, 2019; Kahn, 2020]. В связи с этим Терри Иглтон рассматривает песенный дискурс как важный инструмент для анализа культурных и исторических процессов, отражающих ценности и проблемы общества [Иглтон, 2010]. *Фатическая* функция песенного дискурса связана с социальными и межличностными аспектами коммуникации, поскольку песни способны создавать ощущение единства среди слушателей, а также укреплять отношения в общественных группах и сообществах посредством диалога [Tagg, 2018]. Благодаря стилистическим приемам песни воплощают яркие образы, обогащая культурное и художественное наследие, в чем выражается их *поэтическая* функция [Ambrosch, 2017; Дуняшева, 2015].

Песенный дискурс «не только может транслировать культурные ценности по отношению к слушателю, но и в некоторых случаях способен навязывать *антиценности*, а прослушивание определенных композиций формирует у слушателя отдельную концептосферу» [Янченко, 2019, с. 4-5]. В песенных текстах лингвисты имеют возможность выделить определенные *фреймы* – когнитивные модели, которые создаются на основе стереотипов музыкальных жанров и стилей. Жанр определяется не только характером мелодии и словами, но и прагматической значимостью и социальным контекстом песни [Морозова и др., 2022]. Тем не менее, определение жанра является достаточно трудной задачей в песенном дискурсе, поскольку процесс его восприятия индивидуален и субъективен, как и процесс создания самой песни. Базовое деление песенного дискурса на жанры подразумевает три категории: рэп, рок и поп. Тематическое своеобразие каждого из жанров выступает средством актуализации функций песенного дискурса [Шевченко, 2009].

Многие исследователи подтверждают, что «мелодический компонент песенного дискурса преобладает над вербальным», тем не менее, песенный

дискурс не может быть представлен в отрыве от его вербального компонента, поскольку именно песенный текст является объектом исследования лингвистики [Радченко, 2020, с. 294]. Н.С. Найденова и А.А. Мурадян в своей статье обращают внимание на то, что для изучения песенного дискурса должен быть использован именно дискурс-анализ (иными словами, метод анализа связной речи) [Найденова и др., 2013]. В своей работе, посвященной англоязычному молодежному песенному дискурсу, Шевченко О.В. доказывает, что он «реализуется сложной лингвосемиотической системой, включающей вербальные, невербальные и знаки смешанного типа, последние совмещают акциональный и вербальный компоненты (ритуал – концерт)» [Шевченко, 2009, с. 5].

Понятия «концепт» и «дискурс» как ключевые понятия современной полипарадигмальной лингвистики находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности [Потапчук, 2014, с. 30]. С одной стороны, конкретный тип дискурса предопределяет особенности языковой объективации концепта, полноту экспликации заключенных в нем знаний об объектах окружающего мира, их связях и отношениях. С другой стороны, некоторые концепты выступают основой формирования дискурса, являются дискурсообразующими [Прибылова, 2011, с. 5]. Концепт – это «означенный в языке национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления». Неотъемлемой составляющей концепта является его образность [Пименова, 2013]. По мнению С.Г. Воркачева, концепт в лингвокультурологических текстах стоит рассматривать как вербализованный культурный смысл, который, в свою очередь, является лингвоконцептом – семантической единицей «языка культуры» [Воркачев, 2009].

Концептуальный корпус языка имеет в своем составе не только положительно, но и отрицательно маркированные ментальные единицы – *антиконцепты*, которые являют собой лингво-психо-социокультурные феномены, объективированные языковыми средствами и отражающие определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского порядка. Типологически – в зависимости от наличия/отсутствия, эксплицитности/имплицитности, степени выраженности положительного противочлена, а также от своей включенности/невключенности в мезоконцепт (вышестоящую инстанцию, обобщающую идею) – антиконцепты могут быть партонимическими, стигматическими и эссенциальными [Приходько, 2012, с. 44]. Крайним случаем стигматического использования лингвокультурного кода являются обценные антиконцепты, объективируемые своеобразными стилистически маркированными (вплоть до невхождения в словари) лексическими единицами, связанными с нарушением табу [Левин, 1998]. В определенном смысле стигматический антиконцепт актуализируется там, где возникают определенные противоположности в антропосфере – например, применительно к людям с иными свойствами, взглядами, убеждениями, вкусами, т. е. с отклонениями от усредненного эталона. В стигматическом пространстве лингвокультуры обценные единицы бытуют

устойчиво и прочно, что обусловлено преемственностью определенных социальных конвенций [Приходько, 2012, с. 45].

Материал и методы исследования

Цель исследования заключается в установлении модификаций, которым подвергается содержательный объем концепта «лимита» в песенном дискурсе. Для решения задачи были использованы метод анализа словарных дефиниций и индуктивное выделение фреймов, дискурсивно-стилистический анализ, концептуальный анализ, описание когнитивной метафоры и контекстуальная интерпретация. В качестве материала для исследования были взяты тексты песен русскоязычных исполнителей, временной отрезок – период с конца 80-х годов прошлого столетия по сегодняшний день. Выбор композиций производился преимущественно с опорой на номинативно-контекстуальный критерий, учитывалось наличие в тексте упоминаний непосредственных лексем-вербализаторов рассматриваемого концепта – «лимита», «лимитчики». Во время поиска релевантных для исследования текстов композиций были использованы такие интернет-ресурсы с поиском по ключевым словам, как «Text-You.ru»¹ и «Genius.com»². Таким образом, в ходе исследования были проанализированы следующие произведения в хронологическом порядке:

1. «Воробьи» (А. Новиков, 1996).
1. «Лимита» (группа «Пилот», 2002 год).
2. «Небо в алмазах» (группа «312», 2005 год).
3. «Лимита» (группа «Шумные и угрожающие выходки», 2018 год).
4. «Лимита» (группа «Молодость внутри», 2020 год).

Результаты исследования и обсуждение

Приступая к анализу стигматического концепта «лимита», мы должны выявить понятийные признаки на основе метода анализа словарных дефиниций (в нашем случае анализу подвергаются все возможные толковые словари). Среди словарных дефиниций концепта «лимита» можно отметить повсеместно встречающиеся пометы «собр.»», «прост.»», «разг.-сниж.». В «Толковом словаре русской разговорной речи» под редакцией Л. Крысина³ впервые появляется помета «пренебр.»», а в «Толковом словаре русского общего жаргона» под редакцией Л. Розиной⁴ – помета «презр.» и комментарий о том, что слово образовано по аналогии с существительными «наркота» и «беднота». Не менее важны для нас коннотации, указанные в этом словаре:

1. «Бесправие, бедность, нищета, грязь, враждебное отношение окружающих»;

1. «Богатство и успех, добытые нечестным путем, роскошь и безвкусица: из грязи в князи».

¹Text-You.ru // [Электронный ресурс]. – URL: <https://text-you.ru> (дата обращения: 12.07.2024).

²Genius // [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com> (дата обращения: 12.07.2024).

³Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К – О / Руководитель авторского коллектива: Л. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 864 с.

⁴Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина; под общ. рук. Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 273 с.

Приведенные коннотации выражают субъективную отрицательную оценку по отношению к называемому субъекту, что является основным признаком пейоративной лексики.

В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 36 случаев⁵ употребления слова «лимита», анализируя которые, мы можем прийти к выводу, что слово используется не просто для выражения пренебрежения, а в качестве оскорбления, несет яркую негативную окраску и не имеет случаев употребления в положительном или нейтральном контексте, поэтому мы можем условно добавить к уже имеющимся словарным пометам новую – «уничиж.».

Исследование этимологии слова-репрезентанта концепта – важнейший этап в изучении актуальности его признаков для языковой картины мира. Говоря об историческом происхождении слова и вновь обращаясь к «Толковому словарю русского общего жаргона» под редакцией Л. Розиной, важно отметить, что слово «лимита» происходит от понятия «лимит прописки» (форма привлечения рабочей силы на промышленные предприятия в крупных городах с предоставлением прописки), которое связано с политикой СССР в 1950-80-х годах. Предпосылки к формированию негативных коннотаций сложились в связи с тем, что из-за нехватки низкоквалифицированных рабочих (москвичи отказывались заниматься тяжелым физическим трудом) лимитчикам прощались грубые нарушения общественного порядка, такие как драки и пьянство, чтобы руководителям предприятий не пришлось выселять приезжих из общежитий и терять рабочую силу, в острой нехватке которой находились московские заводы. Тем не менее, первый случай употребления слова, зафиксированный в Национальном корпусе русского языка, датируется 1987 годом, а в качестве «пики» использования слова в исследуемом нами значении мы можем отметить 1996 и 2010 года, когда политики лимита прописки уже не существовало. Из этого мы также можем сделать вывод о том, что слово «лимита» изначально не несло негативной оценки и использовалось как разговорный вариант слова «лимитчики», но со временем, уже после распада СССР, резко начало приобретать отрицательные коннотации, а ближе к 2016 стало уходить в пассивный запас лексики русского языка, сменяясь другими синонимами («понаехавшие», «гастарбайтеры» и т. д.). Для определения других коннотаций, формирующих стереотипы, проведем анализ семантического окружения концепта.

Семантическое окружение концепта «лимита» (на основе примеров из Национального корпуса русского языка) состоит из таких прилагательных, как *разнесчастная, типичная, интеллектуальная, безымянная, деревенская, городская, печально знаменитая, московская, английская, еврейская*; местоимений: *какая-то, всякая, другая, своя*; глаголов: *вылезла фиг знает откуда, едет за перспективами, мотается на электричках, дышать от лимиты нечем, запретить лимиту, знаем вас, вы у нас еще попляшите*. Помимо этого, встречаются существительные, используемые в контекстах в качестве синонимов

⁵Национальный корпус русского языка (по состоянию на 30.12.2023) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.12.2023)

к слову «лимита»: *девчонка из провинции, безвестные лузеры, гопари, эвфемизм бескультурья, аферистка, другая форма урбанизации.*

Исследуемые контексты демонстрируют жесткую социальную категоризацию, построенную на стереотипах и предрассудках. Оппозиция «я»/«они» или «свой»/«чужой», являющаяся центральной для языка вражды, с использованием лейбла «лимита» трансформируется в дихотомию «москвичи»/«лимита», несмотря на то, что изначально работа по лимиту прописки подразумевала переезд в любой из крупных городов. При этом ни «москвичи», ни «лимита» в этом противопоставлении не относятся к конкретному этносу, а говорящим подразумевается, что все участники речевого конфликта являются жителями России, но во внимание не берется их принадлежность к какому-либо народу, ключевым признаком исключения является город рождения и город прописки, поэтому слово «лимита» не может быть отнесено непосредственно к этническим пейоративам. А.В. Гладилин относит слово «лимита» к дерогативам и этнофолизмам, но отмечает, что речь идет не о «выходцах из Таджикистана и Узбекистана», а о жителях «Нечерноземья, Поволжья, Урала, Сибири и т. п., и большинство из них составляли русские» [Гладилин, 2013, с. 22].

Подводя итоги, из контекстов Национального корпуса русского языка мы можем выделить следующие коннотации (дифференциальные и потенциальные семы) слова «лимита»:

- тяжелая и низкооплачиваемая работа;
- пьянство;
- драки;
- окраина города;
- общежитие;
- надежда на московскую прописку;
- фиктивный брак ради прописки;
- замещение местного населения;
- борьба населения с лимитой.

Рассмотрим, какие символические и ценностно-оценочные признаки концепта «лимита» остаются актуальными и в рамках каких фреймов происходит ассоциативно-смысловое развертывание этого концепта в песенном дискурсе.

Как уже было отмечено, пик использования слова приходится на 80-ые и 90-ые годы. Вышедшая в 1996 году песня Александра Новикова «Воробьи» стала хитом в эпоху экономических и политических реформ. Женщины легкого поведения («проститутки на Тверской») здесь представлены двояко: с одной стороны, они изображаются как «замерзшие воробьи», что символизирует уязвимость, незащищенность и страдания, а с другой – как охотницы за легкими деньгами («Где бы выловить, чтоб денег три мешка? // Поделили, всем хватило бы расцвеств»). Фраза «И красива, и собой не лимита» указывает на то, что женщина легкого поведения обладает определенным социальным статусом, отличающим ее от маргинализированной группы «лимитчиц», а упоминание о том, что «с артистами могла бы покутить», подчеркивает, что, несмотря на свою профессию, проститутка могла иметь потенциал для более успешной жизни, если

бы обстоятельства сложились иначе. «Лимита» же в этом контексте обозначает тех, кто не имеет таких возможностей и остается в рамках низкооплачиваемой и маргинализированной работы. Критика столичной жизни также играет значительную роль в формировании концепта «лимита». Лирический герой иронично описывает «столичную презлую суету», что указывает на разочарование жизнью в Москве. Это разочарование подчеркивает, что «лимита» – это не только социальный ярлык, но и символ утраты надежд и мечтаний, связанных с переездом в столицу. Автор пытается иронизировать над тем, что, перестав быть внешне «лимитой», героиня, тем не менее, оказалась в еще более низком социальном положении, став проституткой. Это подчеркивает парадокс: несмотря на то, что героиня избавилась от стереотипов, связанных с «лимитчицами», ее новая жизнь оказывается не менее маргинализированной и даже более уничижительной. Таким образом, в песне Александра Новикова «Воробьи» концепт «лимита» разворачивается в рамках фреймов социальной уязвимости, маргинализации и утраты надежд.

Песня «Лимита» группы «Пилот» была выпущена в 2002 году в рамках альбома «Наше небо». В тексте песни концепт «лимита» выступает как символ социальной маргинализации, олицетворяя людей, находящихся на периферии общества, мигрантов или рабочих, которые не вписываются в традиционные социальные нормы. Фраза «у таких, как мы, защита одна» подчеркивает общность и солидарность среди тех, кто сталкивается с предвзятостью и дискриминацией. Упоминание «сказочных стран» и «чудес совпадения» («Спят, уткнувшись носом в хвосты // Подоконников сторожа // Им буду петь я про сказочные страны // Про чужие берега») указывает на то, что люди, находящиеся в сложных условиях, часто прибегают к фантазиям как к способу справиться с действительностью, а образ весны, которая «обогреет и накормит», символизирует надежду на лучшее будущее, что может быть интерпретировано как стремление к переменам и улучшению жизни, несмотря на трудности, с которыми сталкивается «лимита». Повторение слова «лимита» в рефрене делает этот концепт не только ярлыком, но и символом единства и общей судьбы, создавая чувство принадлежности к конкретной группе («У таких как мы защита одна // Обогреет и накормит весна – лимита»). Таким образом, концепт «лимита» становится не только символом маргинализации, но и символом общей судьбы в рамках эмоционального фрейма стремления к лучшему будущему.

В песне группы «312» «Небо в алмазах» (2006) концепт «лимита» символизирует людей, живущих на периферии как в социальном, так и в эмоциональном плане. Использование метафоры «город раздувается наличием тел» указывает на массовость и анонимность жизни в большом городе, где индивидуальность теряется, а люди становятся просто «телами». Это создает чувство безысходности и отчуждения, что характерно для «лимиты». В свою очередь, стремление к «небу в алмазах» и «звездам» отражает порыв лирического героя к мечтам и идеалам, которые кажутся недостижимыми. Это может быть интерпретировано как желание вырваться из ограничений, которые накладывает на человека его социальный статус или окружение. Лирический герой стремится к чему-то большему, чем просто выживание, хочет ощутить красоту и величие

жизни. Концепт «лимита» разворачивается в рамках фрейма «потери идентичности».

Сингл «Лимита» был выпущен группой «Шумные и угрожающие выходы» в 2018 году. На обложке в качестве визуальной репрезентации, подтверждающей социокультурные стереотипы, сформированные лейблом «лимита», изображены сами исполнители. Детали обложки символичны и отсылают к негативным словарным коннотациям слова (бутылка – пьянство, электричка – окраина города, дешевый транспорт, бедность, грязь). Шрифт, выбранный для названия, и красная окантовка приближены к оформлению полицейских шевронов, что дает ассоциации с административными правонарушениями.

В тексте исследуемой песни мы можем наблюдать проявления языка вражды, в основе которого всегда лежит дискриминация и скрытый или прямой призыв к насилию, направленному в сторону определенных социальных групп [Новикова, 2016; Ткачук, 2022]. В «Лимите» язык вражды базируется на ксенофобии (а именно мигрантофобии) и расизме (к которому можно также отнести русофобию), подкрепляемых вербальными оскорблениями, пассивной агрессией (скрытые деструктивные метафоры, намеренное снижение стиля и т. д.), инвективной и нецензурной лексикой. Суммарно в тексте песни представлено пять прямых объектов ненависти: Россия, Москва, «лимита», «москвичи» и «хачи», причем исполнители осознанно относят себя и большую часть слушателей к «лимите».

Примечательно построение текста песни: первый куплет написан от первого лица и посвящен мыслям «лимитчика», напускному патриотизму, которому сопутствуют пьяные дебоши и суицидальные мысли. Здесь текст включает в себя возвышенную лексику и метафоры, пересекающиеся с прилагательными, имеющими яркую негативную окраску («нестиранный», «непоглаженный», «облезлая», «стухшая», «некрозно опухшая»). Припев обрывает «я»-повествование, резко выводя слушателя на нецензурную лексику и прямые оскорбления, направленные в сторону приезжих. Здесь же внезапно появляется этнический пейоратив («хачи»), но не столько с целью дискриминации другого этноса, сколько с целью уничижительного сравнения («лимита хуже <...> хача»). Разрушается оппозиция «свой»/«чужие», поскольку «чужие», по отношению к которым направлена ненависть, находятся среди «своих». Иными словами, в исследуемом тексте транслируется мысль о том, что «чужие» – плохие, но «свой» – еще хуже и опаснее. Повествование во втором куплете идет со стороны наблюдателя, который описывает жизнь лимиты в Москве, отказавшись от метафор и намеренно используя сниженную лексику, периодически обращаясь на «ты» к коренным москвичам, сопоставляя жизни двух разных слоев населения («Ты здесь родился, и вырос, и спился // А лимита задыхается»). Третий куплет – прямой диалог с москвичом, включающий в себя перечисление топонимов (урбанонимы, относящиеся к Москве) с прилагательными, несущими отрицательную эмотивную оценку.

Из текста песни становится очевидно, что приобщение к культуре страны и столицы в глазах лимиты неразрывно связано с пьянством, это подкрепляет

существующие стереотипы и формирует негативное отношение слушателя к приезжим («Буду пить до утра, разбивая стаканы // Об рожу гимна некрозно опухшую»). Можно предположить, что за метафорой беспробудного пьянства, где в роли напитка предстает не алкоголь («расплескав конституцию стухшую»), стоит идея о соглашении принять самые нелюбимые стороны страны ради московской прописки, жилья, работы и денег, не брезгуя ничем, ради надежды на обеспеченное будущее. При этом такие мелкие детали, как вскользь упомянутые в тексте граненые стаканы, не только передают масштабы пьянства, но и указывают на нищету и советское наследие. «Некрозно опухшая рожа гимна» заключает в себе не просто аллегория или олицетворение, а скрытый послыл о том, что страна постепенно умирает, поскольку некроз является процессом омертвления тканей – гибели клеток в живом организме.

В текст первого куплета включена деструктивная метафора, которая содержит в себе немаркированную лексику и не прямое упоминание разрушительного действия: «Страна под ногами их [лимиты] крошится битой посудой». Эта метафора укрепляет предрассудки по отношению к мигрантам и скрыто транслирует идею о том, что приезжие нарушают идеологическую и этническую целостность страны, разрушая Россию. В данном случае топтание ногами эквивалентно демонстрации максимальной степени презрения и неуважения. Сама Москва, обозначенная эвфемизмом «обилеченный щедро местами рабочими город», отсылает к историческому происхождению слова «лимиты», поскольку под словом «билет» подразумевается рабочее место по лимиту, по аналогии с системой СССР 50-ых-80-ых годов. Щедрость города в исследуемом контексте является предметом иронии, так как рабочие места для приезжих в большинстве своем подразумевают тяжелый низкооплачиваемый физический труд. Намек об исходе изнуряющего труда следует далее: «Город в схеме метрополитена повесился» (сложная и постоянно развивающаяся транспортная система, составляющая схему переплетенных линий, подобных веревкам, душит город еще больше и путает всех приезжих).

В тексте исследуемой песни главная оппозиция языка вражды «свои»/«чужие» была подменена идеей вражды между «своими», поэтому помимо противопоставления «москвичи»/«лимиты» в тексте демонстрируется конфликт «Россия»/«Москва». К негативному образу лимиты относятся также такие гипертрофировано представленные отрицательные качества, как бесчеловечность, эгоистичность, карьеризм, жестокость, корысть и алчность («приезжает на дележку квартир <...> и дерется с другой лимитой»). Уже упомянутый алкоголизм, свойственный лимите, во втором куплете распространяется и на коренных москвичей, таким образом, язык вражды дискриминирует сразу обе группы. Третий куплет, представляющий своего рода диалог между москвичом и лимитой, первоначально акцентирует внимание на стратегию поведения москвича при встрече приезжего: избегание («мы не встретились взглядом ни разу»), игнорирование («но ты все позабыл»), фальшивая вежливость («опять извиняешься», «улыбаться – запахло»). Примечательно, что поведение приезжего к концу песни тоже меняется, поскольку ему удается условно «мимикрировать» под коренного москвича: «На

Текстильщиках встану на паузу // Московский запой <...> Солнце вошло над Кремлем // Удивляться – неохота». Москва со временем больше не восторгает «лимиту», поскольку город делает человека жестче и суровее, и улыбка становится исключительно формальным и вынужденным вариантом коммуникации между двумя враждующими социальными группами («я улыбаюсь, и ты улыбаешься, но это конечная станция»). Текстильщики, где «лимитчик» решает остаться, – район старой застройки, связанный с промышленными предприятиями и железнодорожной станцией, входящий в список популярных среди мигрантов районов, а также в список самых неблагополучных районов Москвы.

Таким образом, в песне «Лимита» группы «Шумные и угрожающие выходы» концепт «лимита» становится не только символом социальной уязвимости, но и символом дискриминации, что непосредственно связано с темами ксенофобии и расизма. В песне происходит парадоксальное размывание границ между «своими» и «чужими». Несмотря на то, что исполнители могут идентифицировать себя как «лимиту», они продолжают использовать язык вражды, направленный на другие группы. Это создает непростую динамику, где «лимита» становится не только жертвой, но и участником процесса дискриминации, что подчеркивает сложность социальных отношений в современном обществе.

Песня «Лимита», выпущенная музыкальным проектом «Молодость внутри» в 2020 году, погружает слушателя в мрачную реальность жизни в провинциальном городке, где насилие и преступность становятся частью повседневности. В повествовании от первого лица используются такие художественные приемы, как олицетворение («микрокредиты ждут в гости тебя»), гипербола, граничащая с гротеском («пуля в висок за пакет молока»), антитеза («монетки со свадеб, конфеты с могил»). Отчаяние жителя провинции подчеркивают и другие противопоставления, связанные непосредственно с самим городом («нищета, но ТЦ д...я»), либо же с единственными возможными способами проведения досуга, помимо употребления наркотических веществ («детство на крышах, не любил, но тусил»). Алкоголь, выступающий в роли ключевой семы для слова «лимита», в тексте не упоминается, но вместо него перед слушателем предстают другие вредные привычки, подчеркивающие асоциальность образа жизни: «сосед-наркоман», «подъезд без шприцов я не видал» (гипербола), «приемки чермета, меди шматок // сдадим, купим жвачку, сигареты и сок». Сарказм – еще один способ представления образа жизни «лимитчика»: «Город сказка, город мечта» – не просто строчка песни, выступающая в роли насмешки над жизнью до переезда, эта фраза является оммажем на песню «Город» коллектива «Танцы минус». Аналогично строчка «районы, кварталы, сосед-наркоман» является контекстной модификацией слов песни «Районы-кварталы» группы «Звери». Это цитирование, дополненное частичным перефразированием, формирует интертекстуальность внутри песни, что является еще одним приемом воздействия на слушателя. Помимо обценной лексики, необходимой для придания особой экспрессивности припеву, в тексте песни трижды используется лексема «городок», где суффикс «ок» не несет

уменьшительно-ласкательного значения, поскольку он создает уничижительное обозначение, определенное оскорбление, как и слово «кишка», специально выбранное для описания пейзажа города, который, в свою очередь, был назван «грустным». Примечательно, что само слово «лимита», используемое в припеве и в названии, не несет такого же негативного смысла и не является оскорблением, а только обозначает собой роль, которую пришлось взять лирическому герою из-за сложных жизненных обстоятельств. Фраза «рву когтями за корма» символизирует решимость лирического героя, утверждающего, что он «не боится» трудностей и готов на все, чтобы выжить («Я с региона – лимита // Рву когтями за корма // И мне не боязно, не боязно»). Эти строки можно интерпретировать как форму бунта против системы, которая игнорирует проблемы людей из «лимита». Кроме того, текст содержит элементы социальной критики и указывает на противоречие: «нищета», в которой живет главный герой, контрастирует с огромным количеством появившихся торговых центров. Это подчеркивает абсурдность ситуации: в условиях крайней бедности существуют места потребления, которые недоступны для большинства жителей. Таким образом, концепт «лимита», выступающий как символ социальной маргинализации, разворачивается в рамках фреймов борьбы за выживание и критики системы, которая игнорирует нужды людей, живущих на периферии общества.

Выводы

Подводя итоги исследования, можно заключить, что несмотря на то, что концепт «лимита» продолжает ассоциироваться с негативными социальными стереотипами, эмоциональная окраска концепта варьируется от открытой ненависти до более сложных чувств, таких как сожаление и понимание. Слушатели воспринимают лимиту не только как социальный ярлык, но и как символ более глубоких человеческих переживаний, таких как надежда, утрата иллюзий и стремление к лучшей жизни. В песенном дискурсе наблюдается изменение контекста, в котором используется концепт «лимита»: если ранее акцент делался на экономических и социальных трудностях, то на сегодняшний день тексты песен исполнителей включают в себя элементы самоиронии и критики, что указывает на более сложное восприятие категории «лимитчиков». Расширение концепта «лимита» происходит через призму других культурных и социальных явлений, таких как миграция, культурные конфликты и неравенство. Таким образом, концепт «лимита» в песенном дискурсе эволюционирует в рамках нескольких ключевых фреймов, (социальный, экономический, эмоциональный, исторический, миграционный), отражая изменения в общественном восприятии, эмоциональной окраске и культурных контекстах, что делает его актуальным и многозначным в современном мире.

Библиографический список

- Воркачев С. Г.* Категориальный синтез: от лингво-культурного концепта к лингвокультурной идее // Известия ВГПУ. 2009. № 2(36). С. 4-8. EDN MEGZST
- Гладилин А. В.* Лексические маркеры предубеждений и ненависти // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2013. Т. 4, № 4. С. 21-26. EDN PZBXJB
- Дуняшева Л. Г.* Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: Материалы Международной научно-практической конференции, Казань, 22–23 октября 2015 года / Научный редактор Васильева В. Н. Казань: Вестфалика, 2015. С. 190-197. EDN UYPAQT.
- Иглтон Т.* Теория литературы: Введение / пер. Е. Бучкиной; под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: ИД Тер. будущего, 2010. 296 с. EDN QVWDDT.
- Левин Ю. И.* Об обценных выражениях русского языка // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: ЯРК, 1998. С. 809-819.
- Михайлова А. И.* Характеристика песенного дискурса // Инновационная экономика и общество. 2021. № 1(31). С. 84-89. EDN RHKNLR.
- Морозова М. Е.* Дискурсивный архив современной молодежной песни / М. Е. Морозова, О. А. Донскова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2022. Т. 18, № 2(56). С. 43-55. EDN SYVBFC.
- Найденова Н. С.* К вопросу об исследовании песенного дискурса: лингвокультурологический аспект / Н. С. Найденова, А. А. Мурадян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2013. № 1. С. 96-101. EDN PVPMJH.
- Новикова В. П.* Метафорическое отражение проблем миграции в публицистическом тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3(48). С. 141-147. DOI 10.20916/1812-3228-2016-3-141-147. EDN WHPURN.
- Пащикова Е. А.* Песенный дискурс в общем контексте культуры // Молодой ученый. 2018. № 27(213). С. 184-186. EDN XSWAOL.
- Пименова М. В.* Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2(54). С. 127-131. EDN QBRLIB.
- Потапчук М. А.* Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2(293). С. 140-143. EDN PVSQTZ.
- Потапчук М. А.* Специфика вербализации концепта в песенном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40) С. 30-33.
- Прибылова О. В.* Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прибылова Ольга Викторовна. Челябинск, 2011. 19 с. EDN QHOGPL.
- Приходько А. Н.* Антиконтцепт как лингвокультурный феномен: партонимическое, стигматическое, эссенциальное // Когниция, коммуникация, дискурс. 2012. № 5. С. 37-51.
- Радченко Д. В.* Джаз в жанровой структуре песенного дискурса // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI: сборник научных статей [по материалам VI Международной научной конференции, 25 октября 2019 г., Могилев] / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. С. 292-295.
- Саяхова Д. К.* Понятие песенного дискурса // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 7-4. С. 75-78. EDN WHDBPV.
- Ткачук Ю.П.* Реализация концепта НЕНАВИСТЬ в современном русском песенном дискурсе // МНСК-2022: Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–20 апреля 2022 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. С. 291-292
- Шевченко О. В.* Лингвосомиотика молодежного песенного дискурса: на материале английского языка: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание

ученой степени кандидата филологических наук / Шевченко Ольга Валентиновна. Волгоград, 2009. 20 с. EDN WZOSOY.

Янченко Я. М. Лингвистический аспект исследований песенного дискурса: актуальность и многоаспектность // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 4. С. 4-5. EDN WHNLTH.

Ambrosch G. Punk as Literature: Toward a Hermeneutics of Anglophone Punk Songs // AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik. 2017. Vol. 42, № 1. pp. 101–120.

Frith S. Song Lyrics as Discourse: A Sociolinguistic Perspective // Music and Society. 2019. Vol. 12, № 1. pp. 45-67.

Hennion A. The Aesthetics of Song: Discourse Analysis in Music Studies // Journal of Cultural Studies. 2021. Vol. 18, № 3. pp. 200-220.

Kahn A. The Language of Song: Analyzing the Discourse of Popular Music Lyrics // Journal of Language and Music. 2020. Vol. 15, № 2. pp. 123-145.

Meyer L. Lyrics and Meaning: The Discourse of Emotion in Popular Songs // Journal of Music and Emotion. 2022. Vol. 10, № 4. pp. 300-315.

Nicholls D. Narrative Theory as an Analytical Tool in the Study of Popular Music Texts // Music & Letters. 2007. Vol. 88, № 2. pp. 297–315.

Tagg P. Musical Discourse: The Role of Lyrics in Popular Music // Popular Music Studies. 2018. Vol. 14, № 2. pp. 75-90.

References

Ambrosch G. (2017). Punk as Literature: Toward a Hermeneutics of Anglophone Punk Songs. *AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik* 42(1): 101–120.

Frith S. (2019). Song Lyrics as Discourse: A Sociolinguistic Perspective. *Music and Society*. 12(1): 45-67.

Hennion A. (2021). The Aesthetics of Song: Discourse Analysis in Music Studies. *Journal of Cultural Studies*. 18(3): 200-220.

Gladilin A. V. (2013). Lexical markers of prejudice and hate. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei*. 4(4): 21-26. (In Russian)

Duniasheva L. G. (2015). Song discourse as an object of study of linguoculturology. *Aktual'nye problemy romanskikh iazykov i sovremennye metodiki ikh prepodavaniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan': Vestfalika, 190-197 p. (In Russian)

Ianchenko Ia. M. (2019). Linguistic aspect of song discourse research: relevance and multidimensionality. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, 10(4): 4-5. (In Russian)

Iglton T. (2010) *Theory of Literature: Introduction*. M.: ID Ter. Budushchego. 296 p. (In Russian)

Kahn A. (2020). The Language of Song: Analyzing the Discourse of Popular Music Lyrics. *Journal of Language and Music*. 15(2): 123-145.

Levin Yu. I. (1998). On obscene expressions of the Russian language. Selected works. *Poetics. Semiotics*. Moscow: YARK. 809–819 p. (In Russian)

Meyer L. (2022). Lyrics and Meaning: The Discourse of Emotion in Popular Songs. *Journal of Music and Emotion*. 10(4): 300-315.

Mikhailova A. I. (2021). Characteristics of song discourse. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo*. 1(31). 84-89 p. (In Russian)

Morozova M. E., Donskova O. A. (2022). Discursive archive of modern youth song. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 18(2): 43-55. (In Russian)

Naidenova N. S., Muradian A. A. (2013). On the issue of studying song discourse: linguocultural aspect. *Vestnik RUDN*. 1: 96–101. (In Russian)

Nicholls D. (2007). Narrative Theory as an Analytical Tool in the Study of Popular Music Texts. *Music & Letters*. 88(2): 297–315.

Novikova V. P. (2016). Metaphorical reflection of migration problems in a journalistic text. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 3(48): 141-147. (In Russian)

- Pashkova E. A.* (2018). Song discourse in the general context of culture. *Molodoi uchenyi*. 27(213): 184-186. (In Russian)
- Pimenova M. V.* (2014). Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo: *Grafika*, 2013. 200 p. (In Russian)
- Potapchuk M. A.* (2013). Song discourse as a communicative process. *Vestnik ChelGU*. 2(293): 140-143. (In Russian)
- Potapchuk M. A.* (2014) The specifics of verbalization of the concept in song discourse *Gumanitarnyi vektor*, 4 (40):30-33.
- Pribylova O. V.* The dynamics of the verbalization of the concept of "terrorism" in institutional discourse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2011. 20 p. (In Russian)
- Prihod'ko A. N.* (2012). Anti-concept as a linguacultural phenomenon: paronymic, stigmatic, essential. *Kognitsiia, kommunikatsiia, diskurs*. 5: 37-51. (In Russian)
- Radchenko D. V.* (2020). Jazz in the genre structure of song discourse. *Vostochnoslavianskie iazyki i literaturny v evropeiskom kontekste – VI: sbornik nauchnykh statei*. Mogilev: MGU imeni A.A. Kuleshova. 292-295. (In Russian)
- Saiakhova D. K.* (2016). The Concept of Song Discourse. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii*. 7-4: 75-78. (In Russian)
- Tagg P.* (2018). Musical Discourse: The Role of Lyrics in Popular Music. *Popular Music Studies*. 14(2): 75-90.
- Tkachuk Ju. P.* (2022). Realization of the concept of HATE in modern Russian song discourse. *MNSK-2022: Proceedings of the 60th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 10-20, 2022*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. 291-292 p. (In Russian)
- Shevchenko O. V.* (2009). Linguosemiotics of youth song discourse : based on the material of the English language: *abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences*. Volgograd, 2009. 20 p. (In Russian)
- Vorkachev S. G.* (2009). Categorical synthesis: from a linguocultural concept to a linguocultural idea. *Izvestiia VGPU*. 2(36): 4-8. (In Russian)